

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

J. Bayer, V. Struckmeier (eds.). Discourse particles: Formal approaches to their syntax and semantics. Berlin: De Gruyter Mouton, 2017. 334 p. ISBN 978-3-11-049715-1.

Владимир Александрович Панов

Vladimir A. Panov

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация;
vladimir.panov1986@yandex.ru

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation;
vladimir.panov1986@yandex.ru

Частицы (в самом широком понимании) — пожалуй, в наименьшей степени поддающийся лингвистическому осмыслению компонент языка на нынешней ступени развития языкознания. Это относится к конкретно-языковым описаниям — едва ли найдется значительное число языков, для которых существующие описания систем прагматических / дискурсивных частиц (ДЧ) могут быть признаны удовлетворительными и тем более исчерпывающими. Это же верно (возможно, в еще большей степени) для межкультурной перспективы: типологическое и теоретическое изучение частиц до сих пор находится, в общем, в начале своего пути.

В частности, до сих пор лингвисты далеки от согласия по поводу того, что такое «частица» вообще, можно ли говорить о частицах как о некоей очерченной категории в рамках отдельных языков и в типологии, и если да, то какова структура этой категории. Существуют десятки конкурирующих друг с другом терминов, значение которых значительно колеблется от работы к работе и от языка к языку: модальные частицы (МЧ) / показатели, дискурсивные частицы / показатели, прагматические частицы / показатели и др. Определенный консенсус достигнут лишь в выделении фокусных частиц, относящихся не к предложению в целом, а к отдельным словам / группам, а также показателей темы (топика). В общем случае все остальные частицы являются сентенциальными, т. е. тем или иным образом соотносятся со всем предложением / высказыванием / пропозицией.

Проблема категориальной принадлежности частиц впервые подробно поставлена в [Zwicky 1985], из современных работ этого направления упомянем важную статью [Zimmerling 2010] и коллективную монографию [Degand et al. 2013]. В этих работах обсуждается соотношение таких языковых единиц, как модальные частицы, дискурсивные маркеры / слова, фокусные частицы, клитики.

Попытки типологического изучения частиц на широком языковом материале стали предприниматься лишь недавно. Первоначальный интерес к частицам в межкультурной перспективе был связан с наблюдениями европейских ученых над немецкими и древнегреческими частицами, сходство которых одним из первых подметил Э. Косериу [Coseriu 1988]. Один из лучших специалистов по ДЧ Ад Фоолен многократно высказывал пессимизм по поводу возможности их типологического изучения, ср., например: «...systematic cross-linguistic research on modal particles seems, I am afraid, is not a feasible goal in the near future. The reference grammars often fail to give the relevant information. That means that we first need more language-specific monographs» [Foolen 1994: 311]¹.

¹ Здесь цитируется работа 1994 г., где эти сомнения высказаны наиболее эксплицитно, но подобные утверждения встречаются и в относительно недавних работах Фоолена.

Недавний сборник, посвященный заключительным частицам (final particles) языков разных семей [Hancil et al. 2015], возможно, наиболее успешный пример изучения межкузыковой перспективы ДЧ. В нем представлен материал значительного числа языков и различные теоретические подходы к материалу.

Рецензируемая коллективная монография представляет собой новейшую веху в теоретическом изучении ДЧ. Собранные в ней статьи объединены формальными, а именно формально-синтаксическим (минималистическим) и в значительно меньшей степени формально-семантическим, подходами авторов входящих в нее статей. Хотя монография заявлена как межкузыковое исследование, справедливости ради стоит отметить, что большая часть работ посвящена немецкому языку (с небольшими межкузыковыми отступлениями). Среди остальных статей три посвящены другим германским языкам (исландскому, шведскому, древневерхненемецкому), лишь одна посвящена индоевропейскому не германскому языку (санскриту), одна — не индоевропейскому языку (стандартному китайскому).

Почти все статьи сборника опираются на понятие левой периферии и гипотезу ее иерархического устройства, высказанную в таких работах, как [Rizzi 1997] и [Zimmermann 2008], а также на понятие функциональных вершин (functional heads), разработанное в работах Г. Чинкве, главным образом [Cinque 1999]. В большинстве статей так или иначе привлекается теория речевых актов и понятие иллокутивной силы, соответствующий инструментарий представлен в виде формально-семантической записи. В качестве отправных точек формального подхода к немецким частицам повсеместно цитируются работы [Thurmaier 1989] и [Cardinaletti 2011].

Далее в рецензии используются сокращения МЧ (модальная частица) и ДЧ (дискурсивная частица) в зависимости от того, какой термин предпочитает автор каждой отдельной статьи.

Вводная статья Йозефа Байера и Фолькера Штрукмайера «The status quo of research on discourse particles in syntax and semantics» вводит читателя в историю изучения ДЧ в рамках формальных моделей и очерчивает концепцию монографии. Указывается на недостаточность изученности ДЧ в межкузыковой перспективе, в особенности в рамках выбранных в монографии подходов. Подчеркивается большая степень изученности ДЧ немецкого и родственных ему языков (нидерландского, скандинавских) по сравнению с ДЧ других языков.

Слабая изученность ДЧ в рамках формальной семантики связывается с тем, что ДЧ не вносятклада в условия истинности высказывания, и потому, по мнению авторов, они долго соотносились лишь с перформативным аспектом коммуникации, а также с неосознанным предпочтением лингвистами письменной формы языка, в которой ДЧ встречаются реже, чем в устной (по крайней мере, в значительной части его стилей). В то же время показывается, что употребление ДЧ зависит от иллокутивного типа высказывания, в которое они входят. Именно взаимодействие пропозиции с иллокутивным типом, по мнению авторов, может быть подвергнуто анализу в рамках формальной семантики.

Указывая постоянную позицию ДЧ в предложении в немецком языке (среднюю, англ. *middle field*, нем. *Mittelfeld*), авторы ставят вопрос о том, как такая позиция может быть отражена в рамках минималистической программы Хомского. Предлагается исходить из факта взаимодействия ДЧ с иллокутивной силой², занимающей, согласно [Rizzi 1997], верхнюю позицию на левой периферии клаузы. Высказывается предположение, что ДЧ являются функциональными вершинами, а не непосредственными составляющими. В завершение дается краткий обзор статей монографии и краткая библиография работ о ДЧ в рамках формальных моделей.

В статье «The syntax and semantics of discourse particles» Маркуса Эгга и Йоханнеса Мурзелля анализируется семантический вклад, вносимый немецкими ДЧ. Как и большинство

² Это взаимодействие проявляется, например, в том, что вопрос с частицей интерпретируется в немецком языке как риторический в противоположность вопросу без частицы: *Wer will heute (schon) einkaufen?* ‘(Ну и) кто (же) хочет сегодня ходить по магазинам?’ (с. 2).

авторов статей монографии, Эгг и Мурзелль отталкиваются от понятия «левой периферии» и представления о ее иерархическом устройстве на уровне синтаксиса [Rizzi 1997]. ДЧ рассматриваются авторами как модификаторы иллокутивной силы, которая, в свою очередь, рассматривается как вершина верхней проекции левой периферии. Как модификаторы иллокутивной силы ДЧ взаимодействуют с одним ее аспектом, а именно с условиями успешности (*felicity conditions*). Кроме того, по мнению авторов, ДЧ также взаимодействуют с информационно-структурной предложением, а именно с фокусом.

Статья Натали Шерф «The syntax of Swedish modal particles» посвящена синтаксическому анализу шведских *ju*, *väl*, *nog* и *visst*, интерпретируемых автором как МЧ (в противоположность их традиционной интерпретации в качестве модальных наречий). Главный интерес автора — позиция частиц в предложении и относительно друг друга. Показано, что *ju* и *väl* способны занимать только заглагольную позицию и являются энклитиками, в отличие от *nog* и *visst*, встречающихся как в заглагольной позиции, так и в начале предложения. Различия в синтаксических свойствах двух групп частиц находят соответствие и в области семантики. *Ju* и *väl* сигнализируют соотношение содержания пропозиции со знаниями говорящих (*common ground*), в то время как *nog* и *visst* сигнализируют отношение говорящего к истинности пропозиции. Конкретная интерпретация обеих частиц зависит от позиции в предложении: начальная позиция соответствует высокой степени уверенности говорящего в истинности пропозиции, послеглагольная позиция — напротив, неуверенности (или непрямой засвидетельствованности). Принадлежность к двум разным категориям подтверждается и свойствами соединения частиц в цепочки: частицы одной категории не могут встречаться в одной цепочке, а при соединении частиц из разных категорий возможен только порядок *ju / väl > nog / visst*. Различные свойства двух групп частиц анализируются как функциональные проекции разных уровней, при этом *nog* и *visst* в начале предложения и после глагола выступают в разных функциональных проекциях.

В статье Йоханнеса Гисли Йонссона «Discourse particles and *hvað*-exclamatives» анализируется синтаксис исландских экскламативных конструкций, в которых перед экскламативным словом *hvað* 'что' стоят ДЧ *en*, *vá* и *æ* (при этом только такая позиция является возможной в *hvað*-экскламативах). В согласии с многими другими статьями сборника, частицы интерпретируются как функциональные вершины левой периферии, доминирующие над комплементаризером *hvað* и не являющиеся полными составляющими.

Статья «What you see is what you get: Chinese sentence-final particles as head-final complementizers» (авторы Вальтро Поль и Виктор Цзюньнань Пань) посвящена анализу заключительных частиц китайского языка (путунхуа). В целом функции и порядок следования китайских сентенциальных частиц в цепочке неплохо изучен, о чем и пишут авторы, акцентируя внимание на их описании в китайскоязычной грамматике Чжу Деси [Zhu 1982: 207—213]. К рассмотренным в этой грамматике частицам добавлена частица *éryǐ*, занимающая ту же позицию в цепочке, что темпоральные *le* и *lǎizhe* (таким образом, употребление двух последних наряду с *éryǐ* исключено).

Цепочка заключительных частиц интерпретируется авторами как расщепленная СР с правой вершиной, состоящая, в свою очередь, из субпроекций Low C (видо-временные показатели), Force C (показатели иллокутивной силы), Attitude C (субъективное отношение говорящего к пропозиции, отношения говорящего и слушающего), в вершинах которых находятся соответствующие частицы. Выделенные авторами классы частиц интересным образом перекликаются с классами частиц в шведском языке, выделенными в статье Натали Шерф.

Указывается на некоторую необычность сочетания китайского порядка слов (VO) и конечного положения ДЧ; для этого явления приводятся типологические параллели, обнаруживаемые во вьетнамском языке и языках нигер-конго (на самом деле, к этим «исключениям» можно было бы добавить практически все языки Юго-Восточной Азии). Авторы приходят к выводу, что правое положение вершины СР нельзя рассматривать как ее перемещение из начальной позиции. Таким образом, подобные системы нельзя считать

и исключенными из универсальной грамматики, как это иногда предполагается. К сожалению, авторы не упоминают в библиографии и никак не обсуждают названный выше сборник [Hancil et al. 2015], содержащий немало интересных обобщений о заключительных частях, в том числе и китайских.

Статья Ханса-Мартина Гертнера «Root infinitivals and modal particles: An interim report» посвящена употреблению инфинитива в повелительной функции в немецком языке (например, *Hinsetzen, bitte* ‘пожалуйста, садитесь’) и употреблению модальных частиц в таких конструкциях. Статья представляет собой как бы комментарий к предыдущей работе автора [Gärtner 2013], в которой произведена классификация инфинитивно-повелительных конструкций. МЧ, как показывается в статье, употребляются в таких конструкциях значительно реже, чем при императивах, и в большинстве случаев попросту в них невозможны. Сочетаемость различных МЧ с разными типами конструкций, определенных в [Gärtner 2013], установлена автором эмпирически и представлена в виде формальной записи. Запреты на использование определенных МЧ связываются в конечном счете с типами иллокутивной силы, что перекликается с выводами статьи Маркуса Эгга и Йоханнеса Мурзелля из рецензируемого сборника. Отметим, что статья Гертнера единственная в сборнике имеет список сокращений и глосс, что значительно облегчает чтение.

В статье Даниэля Гутцмана «Modal particles ≠ modal particles (= modal particles)» внимание сосредоточено на двух предполагаемых свойствах немецких МЧ: ориентированность МЧ на говорящего (speaker orientation) и модификация модуса (modality) предложения с помощью МЧ. Автор опирается на так называемый многомерный подход (multidimensional approach) [Gutzmann 2015] к изучению МЧ. Главный вывод статьи следующий: МЧ немецкого языка не являются однородным классом и по-разному взаимодействуют с двумя упомянутыми выше параметрами.

Статья Ивонне Физель «Discourse particles “embedded”: German *ja* in adjectival phrases» посвящена несентенциальным употреблениям немецкой ДЧ *ja*. Именно сентенциальные ДЧ, взаимодействующие с иллокутивной силой (см. статью Маркуса Эгга и Йоханнеса Мурзелля), обычно считаются наиболее типичными для немецкого языка. Автор показывает, что прототипически сентенциальное *ja* способно модифицировать и отдельные составляющие, то есть выступает фактически как фокусная частица. Исследование выполнено на материале корпусов, главное внимание сосредоточено на конструкциях, в которых *ja* модифицирует группы с прилагательным вроде *diese ja nicht gerade einfache Geschichte* ‘эта, конечно же, не совсем простая история’ (с. 174). Главный посыл статьи кратко формулируется так: иллокутивная сила, проявляющаяся в рамках высказывания в целом, может иногда соотноситься и с отдельными составляющими, и локальное употребление частицы *ja* наглядно демонстрирует это.

В статье Сони Мюллер «Combining *ja* and *doch*: A case of discourse structural iconicity» обсуждаются различные порядки употребления немецких частиц *ja* и *doch* в цепочках (соответственно, *ja doch* и *doch ja*). В то время как первый порядок хорошо известен лингвистам, второй долго считался по меньшей мере маргинальным. Тем не менее в рамках корпусного исследования автор обнаружила немало примеров именно такого порядка. Поэтому, вопреки устоявшемуся в формальных направлениях анализу, согласно которому *ja* доминирует (takes score) над *doch*, утверждается, что обе частицы доминируют над пропозицией в равной степени. Делается предположение о маркированности порядка *doch ja* в противоположность нейтральному порядку *ja doch*. Немаркированный порядок *ja doch* интерпретируется как иконичный в рамках теории функциональной грамматики Дика [Dik 1997: 399] и гипотезы увеличения общего знания (increasing common ground) в дискурсе [Farkas, Bruce 2010]. В заключение автор отмечает, что в различных комбинациях ДЧ (171 комбинация, согласно [Thurmaier 1989: 289]) в их упорядочивании играют роль разные факторы, и не следует стремиться объяснять все порядки частиц в цепочках в рамках одного подхода. Статья практически не прибегает к формальным объяснениям, заявленным как общий принцип сборника, за исключением небольшого количества формально-семантических записей.

«Германский» цикл завершает статья Вернера Абрахама «Discourse marker = discourse particle = thetical = modal particle? A futile comparison». Цель автора — показать, что модальные частицы немецкого, а также некоторых других германских и не германских языков представляют собой особый тип единиц, который следует отделять от прочих дискурсивных маркеров; работа продолжает не прерывающуюся уже несколько десятилетий традицию, пытающуюся ответить на вопрос, что такое ДЧ (автор ссылается на работу [Degand et al. 2013], критикуя ее). Проводя параллель с работами А. Айхенвальд [Aikhenvald 2012; 2015] и некоторых других авторов, в которых проводится четкое различие между грамматической и лексической эвиденциальностью, автор говорит о немецких и нидерландских модальных частицах как о выразителях определенной грамматической категории, названной в оригинале *modality* (~ модус) в противоположность *mood* (~ модальность). Рассматривая материал немецкого языка, немецких диалектов, каталанского и вьетнамского языков, автор приходит к следующим выводам: немецкие МЧ являются свободными грамматическими морфемами, иллокутивными операторами; они также сигнализируют эмфазу утверждения и контрастивный фокус. По мнению автора, такие частицы являются уникальной чертой западногерманских языков (за исключением английского, не имеющего, по мнению авторов, ДЧ). Впрочем, статистически репрезентативного межъязыкового сопоставления за исследованием не стоит. В резюме статьи упоминается также русский язык (как язык, богатый ДЧ, наподобие западногерманских), однако в основном тексте автор к нему не обращается.

Статья Розмари Люр «Stressed and unstressed particles in Old Indic» посвящена двум древнеиндийским дискурсивным частицам — *vái* и *ha*. Автор задает вопросом, с какими семантическими и прагматическими параметрами коррелирует ударность или безударность частиц, находящихся в древнеиндийском предложении в ваккернагелевской позиции (исследование опирается на акцентуированный диалогический текст легенды о Чьяване).

Выделяются два принципиально различных класса частиц, встречающихся в ваккернагелевской позиции. К первому классу относятся фокусные частицы, следующие непосредственно за составляющей, к которой они относятся в случае, если эта составляющая выдвинута в начало предложения (на «левую периферию»). Такие частицы не являются собственно ваккернагелевскими. Другой тип — дискурсивные частицы *ha* и *vái*, или собственно ваккернагелевские частицы, связанные по смыслу (и, по мнению автора, синтаксически, т. е. имеющие синтаксическую проекцию) со всем предложением. Частицы *ha* и *vái* способны сочетаться друг с другом, образуя цепочку, причем порядок их соединения неизменен — *ha vái*. Предполагается, что такой порядок иконичен и отображает положение частиц в синтаксической иерархии, где *ha*, обеспечивающее связь с предыдущим дискурсом («смену перспективы»), доминирует над эвиденциально-модальным *vái*, сигнализирующим субъективное отношение говорящего к пропозиции. При всех достоинствах статьи все же вызывает некоторое сожаление, что автор не опирается на многочисленные, в том числе новейшие, исследования о законе Ваккернагеля в других древних индоевропейских языках, ср., например, работы о древнегреческом [Veksina 2012; Goldstein 2015], где подробно обсуждаются факты древнегреческого языка, весьма сходные с анализируемыми Люр фактами санскрита.

Завершающая сборник статья Светланы Петровой «On the status and the interpretation of the left-peripheral sentence particles *inu* and *ia* in Old High German» посвящена вопросам диахронии и легко доступна читателям, мало знакомым с формальными подходами, которые используются в статье минимально. Статья содержит две основные идеи. Первая состоит в том, что древневерхненемецкие частицы *inu* и *ia*, вопреки распространенному мнению, являются не специальными показателями вопроса, а ДЧ, аналогичными по функции современному немецкому *denn* (также чаще всего появляющемуся в вопросах). По прагматическим причинам эти частицы, действительно, чаще всего встречаются в основном в специальных вопросах.

Другой тезис, выдвигаемый автором, касается непосредственно диахронии. Показывается, что система древнегерманских частиц начала клаузы («левой периферии») полностью

исчезает, а современная немецкая система послеглагольных ДЧ возникает заново в раннее Новое время и диахронически никак не связана с предыдущей, хотя функционально во многом аналогична ей.

Рецензируемая монография является, безусловно, важным этапом на пути теоретического осмысления ДЧ. Как видно из краткого пересказа статей, для монографии характерна значительная однородность подхода и выводов. Эти подходы ясно обозначены редакторами во введении. Разумеется, результаты исследований, входящих в сборник, должны учитываться лингвистами разных, не только формальных, направлений. Отметим, что, на наш взгляд, наиболее ценные результаты исследований, входящих в монографию, связаны с объяснением порядка ДЧ в цепочках в рамках постулирования разнообразных иерархий.

К сожалению, это единство и последовательность реализации концепции монографии имеет и обратную сторону: зачастую авторы полностью игнорируют уже существующее осмысление материала в рамках других подходов, которое могло бы быть полезным и повлиять на результаты (некоторые замечания такого рода к отдельным статьям высказаны выше). В целом многие статьи крайне трудны для восприятия читателей, не являющихся специалистами по минималистическому синтаксису, хотя целевая аудитория монографии никак не ограничена эксплицитно. Добавим, что ни в отдельных статьях (за исключением статьи Х.-М. Гертнера), ни в конце монографии нет списка сокращений и даже расшифровки глосс, многие из которых далеко не тривиальны. Это делает текст большинства статей еще более герметичным. Наконец, не ясны и критерии выбора анализируемых языков: сборник, конечно же, не является настоящим межкультурным исследованием, а выбор языков никак не оговорен эксплицитно.

Почти все названные недостатки — проявление общей тенденции недостаточности диалога между различными направлениями лингвистики. Тем важнее для лингвистов не только формальных, но и прочих направлений ознакомиться с настоящей монографией при исследовании ДЧ и родственных языковых явлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Aikhenvald 2012 — Aikhenvald A. Y. [Review of:] Linguistic realization of evidentiality in European languages. Diewald G., Smirnova E. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. *Studies in Language*. 2012. Vol. 36. No. 2. Pp. 431—439.
- Aikhenvald 2015 — Aikhenvald A. Y. Evidentials: Their links with other grammatical categories. *Linguistic Typology*. 2015. Vol. 19. No. 2. Pp. 239—277.
- Cardinaletti 2011 — Cardinaletti A. German and Italian modal particles and clause structure. *Linguistic Review*. 2011. Vol. 28. No. 4. Pp. 493—531.
- Cinque 1999 — Cinque G. *Adverbs and functional heads*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1999.
- Coseriu 1988 — Coseriu E. Partikeln und Sprachtypus. *Energeia und Ergon. Sprachliche Variation — Sprachgeschichte — Sprachtypologie. Studia in honorem Eugenio Coseriu. Band 1: Schriften von Eugenio Coseriu (1965—1987)*. Albrecht J., Lüdtke J., Thun H. (eingel. und hrsg.). Tübingen: Gunter Narr, 1988. Pp. 185—193.
- Degand et al. 2013 — Degand L., Cornillie B., Pietrandrea P. (eds.). *Discourse markers and modal particles*. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
- Dik 1997 — Dik S. *The theory of functional grammar. Part 2: Complex and derived constructions*. Hengeveld K. (ed.). Berlin: Walter de Gruyter, 1997.
- Farkas, Bruce 2010 — Farkas D., Bruce K. On reacting to assertions and polar questions. *Journal of Semantics*. 2010. Vol. 27. No. 1. Pp. 81—118.
- Foolen 1994 — Foolen A. [Review of:] Andvik E. E. A pragmatic analysis of Norwegian modal particles. *Lingua*. Vol. 93. No. 4. Pp. 307—312.
- Gärtner 2013 — Gärtner H.-M. Infinite Hauptsatzstrukturen. *Satztypen des Deutschen*. Meibauer J., Steinbach M., Altmann H. (eds.), Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 202—231.
- Goldstein 2015 — Goldstein D. *Classical Greek syntax. Wackernagel's Law in Herodotus*. Leiden: Brill, 2015.
- Gutzmann 2015 — Gutzmann D. *Use-conditional meaning. Studies in multidimensional semantics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2015.

- Hancil et al. 2015 — Hancil S., Haselow A., Post M. (eds.). *Final particles*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
- Rizzi 1997 — Rizzi L. The fine structure of the left periphery. *Elements of grammar*. Haegeman L. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1997. Pp. 281—337.
- Thurmair 1989 — Thurmair M. *Modalpartikeln und Ihre Kombinationen*. Tübingen: Niemeyer, 1989.
- Veksina 2012 — Veksina M. *Untersuchungen zum Wackernagelschen Gesetz im archaischen Griechisch*. PhD dissertation. Berlin: Freie Universität, 2012.
- Zhu 1982 — Zhu D. *Yufa jiangyi* [On grammar]. Beijing: Shangwu yinshuguan, 1982.
- Zimmerling 2010 — Zimmerling A. *Clitic particles and the typology of 2P languages*. Paper presented at Particle Workshop, Downing College, Cambridge, UK. October 30—31, 2008.
- Zimmermann 2008 — Zimmermann M. Discourse particles on the left periphery. *Dislocated elements in discourse*. Shaer B., Cook P., Frey W., Maienborn C. (eds.). Oxford: Routledge, 2008. Pp. 200—231.
- Zwicky 1985 — Zwicky A. M. Clitics and particles. *Language*. Vol. 61. No. 2. Pp. 283—305.